

С.В. Демидович (Минск)

- **НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА В ЛСГ ИМЕН
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ
ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА**

Использование метода сопоставительного анализа близкородственных языков очень продуктивно, так как позволяет выявить все возможные типы формально-семантических отношений между лексемами русского и белорусского языков.

В ходе изучения семантических особенностей прилагательных, характеризующих внешность человека, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев между лексемами обоих языков наблюдаются семантические соответствия, что обусловлено как единством членения объективной действительности, так и близостью русского и белорусского языков. Причем среди прилагательных, характеризующих внешность человека как единое целое, соответствий еще больше, чем среди прилагательных, характеризующих внешность человека по отдельным ее атрибутам. Это объясняется тем, что разница в семантике номинативных единиц сопоставляемых языков всегда больше в том фрагменте объективной действительности, который членится более детально.

В то же время, несмотря на подобие данного участка лексики в русском и белорусском языках, нами выявлены языковые факты, являющиеся отражением национальной специфики систем обоих языков.

Национальная специфика в ЛСГ имен прилагательных, характеризующих внешность человека, проявляется в русском и белорусском языках в следующем.

Количество лексем в пределах микрогрупп исследуемой нами ЛСГ различно в русском и белорусском языках. Например, имен прилагательных, характеризующих *рот*, в русском языке 61, в белорусском – 40; *волосы* – 98 в русском языке и 80 в белорусском, *живот* – 12 в русском языке и 18 в белорусском.

Одной из причин несовпадения количества лексем в русском и белорусском языках является более развитая система метафорических переносов, а следовательно, в прецедентных текстах отмечается большее количество имен прилагательных, характеризующих внешность человека;

Употребление в языке художественной литературы некоторых прилагательных с метафорическим значением только в одном из исследуемых языков обусловлено в ряде случаев географической спецификой, историческим и культурным взаимодействием русского или белорусского народов с другими народами (*калмыцкие, черкесские, моржовые глаза*);

В метафорических эпитетах, сравнивающих атрибуты наружности с кем-/чем-либо национальная специфика может проявляться и в восприятии внешности человека (например, в соотношении черт наружности с объектами живой или неживой природы, распространенными в определенном региональном ареале, или в соотношении атрибутов наружности с типичной внешностью представителей различных национальностей, социальных групп), ведь оценочный компонент таких прилагательных соотносится с фоновыми знаниями представителей той или иной языковой общности (*моржовые усы, гусарские усы, лакейское лицо, калмыцкие глаза, римский нос*). [Об образах, ассоциируемых с внешностью человека см. подробнее: 1, с. 104-106, 192-194]

Номинативные единицы двух языков, совпадая по денотативному компоненту значения, могут не совпадать по внутренней форме (*зямліста-шэры, пепельно-серый*).

Для лексемы одного из языков в другом может вообще не быть однословного соответствия. Вербальная лакуна обнаруживается, например, в паре *прекрасный — вельмі прыгожы* из-за отсутствия в белорусском языке префикса *пре-*, являющегося старославянским элементом.

Отсутствие лексемы в одном из языков часто вызвано грамматическими или лексико-фонетическими причинами (*цветущее или бумажное лицо*).

В русском языке больше стилистических синонимов (в результате влияния старославянского языка).

В белорусской части словарной статьи в "Русско-белорусском словаре" представлено больше эквивалентов-синонимов для исходного русского слова, например, *неаккуратный — неакуратны, неахайны, нядбайны* (равноправные лексические синонимы); *хлипкий — слабы, кволы, недалужны* (синонимы, отличающиеся семой, указывающей на степень градации данного семантического признака, экспрессивностью); *мурзаты (разм.), запэцканы (нейт.), брудны (нейт.) — чумазый; мурзаты — чалавек, твар; запэцканы, брудны — твар; чумазый — человек* (синонимы, различающиеся валентностью). В ряде случаев предлагаемые словарем эквиваленты-синонимы отличаются способом выражения грамматического и/или словообразовательного значения (*статный — статны, станісты*). В случаях обратного перевода белорусские номинативные единицы могут соотноситься в русском языке не только с исходной лексемой, но и с ее синонимами. Например, белорусским прилагательным *хударлявы, сухарлявы* соответствуют не только русские *худощавый, сухощавый*, но и стилистически маркированные *поджарый (разг.), сухопарый (разг.)*; в поле данного понятия оказываются втянутыми и такие русские прилагательные, как *костлявый → кашчавы, хударлявы и жилистый → жылісты, жылаваты → жилистый, сухопарый → хударлявы, сухарлявы*.

В русском языке больше доля лексем, мотивированных существительными и образованных суффиксальным способом. Частотным и

продуктивным в русском языке является сложно-суффиксальный способ образования имен прилагательных, характеризующих внешность человека.

В белорусском языке в большей части микрогрупп преобладают немотивированные или отглагольные прилагательные.

При переводе с русского на белорусский язык прилагательных с суффиксами *-енек-/онек-/охоньк-* в белорусском языке будет наблюдаться определенная словообразовательная недостаточность, которая не может быть компенсирована с учетом всех компонентов словообразовательного значения.

На градационной шкале одного и того же типа количество номинативных единиц может не совпадать в русском и белорусском языках, так как в русском языке на один градационный квантор может приходиться несколько лексем, которые являются семантическими или семантико-стилистическими синонимами.